

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

П. СКОК

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ХОРВАТСКОГО,
ИЛИ СЕРБСКОГО, ЯЗЫКА *

Когда речь идет о происхождении сербскохорватских лексем, то следует иметь в виду, что многое уже в этом направлении сделано. Хорошо разработан индоевропейский материал славянских языков. Могут быть точно установлены связи отдельных славянских лексем с литовскими и латышскими, т. е. можно точно указать, какие славянские лексемы относятся к балто-славянскому периоду. Известны связи праславянских лексем с индо-иранскими (например, *bog*, *bogat*), с итальянскими (например, сельскохозяйственный термин *orati*), с кельтскими (например, *klijet*), с иллиро-тракийскими (например, *gotov*, *mogila*), с германскими (здесь примеры многочисленны). Все эти лингвистические параллели имеют чрезвычайное значение для доисторического периода праславянского слова. К этому примыкают новейшие исследования М. Будимира о пелазгско-славянских связях и т. д. Полагаю, что и этимологические словари отдельных славянских языков должны дать материал для исследования доисторических связей праславянских лексем. Однако это не является основным и главным, когда речь идет об этимологическом словаре одного из славянских языков, поскольку этот словарь прежде всего должен исчерпывающим образом дать обзор пополнения словаря, унаследованного от праславянского периода. Это пополнение могло идти двумя путями. Праславянская лексема изменялась или морфологически, приобретая суффиксы и префиксы, или семантически, или обогащение шло путем заимствований, продиктованных историческими условиями, связями с субстратом, суперстратом и адстратом, связями с Востоком и Западом, Византией, Римом и т. д. Субстрат связан с той средой, в которую пришел наш язык, суперстрат — с наслоениями иностранных языков (отсюда германизмы, итальянизмы и лингвистические кальки), а адстрат — с симбиозом с другими языками, как, например, на Адриатике с древним далматинско-романским, в древней Сербии с албанским, а в бывшей некогда «Словинье» с венгерским. Этим важным проблемам должен уделить особое внимание автор этимологического словаря отдельного славянского языка.

Уже и в «Корнях», и в «Основах» Д. Даничић правильно заметил, что наряду с нарицательными словами (апеллятивами) этимолог должен обратить внимание и на ономастику. В обоих своих трудах Даничић среди индоевропейских корней и основ поместил и наши личные имена и местные названия. Эту работу он продолжил и в Академическом словаре, и таким

* Редакция публикует с некоторыми сокращениями перевод статьи покойного проф. П. Скока, известного югославского ученого, автора этимологического словаря сербскохорватского языка (в настоящее время словарь находится в печати). Статья П. Скока, помещенная в журнале «Filologija» (1, Zagreb, 1957, стр. 7—42), примыкает к ряду статей, появившихся в связи с дискуссией о принципах составления этимологических словарей славянских языков. — *Ред.*

образом этот словарь остается до настоящего времени и словарем нашей ономастики. В этом направлении должен идти и этимологический словарь хорватского, или сербского, языка. Для этого имеются основания также и морфологического характера. Наши личные имена обнаруживают большое словообразовательное разнообразие, в котором нагляднее всего видно, насколько велико для суффиксального образования значение аффиктивности, эмоциональности.

Что такое этимология?

Этимологический словарь нельзя составлять, если нет точного понимания того, что такое слово или, как теперь принято говорить, лексема. Это прежде всего лингвистический термин, заключающий в себе два аспекта: во-первых, фонетическую сторону, характеризующуюся известной автономией в отношении своего начала и конца и определенным ритмом, в котором проявляется сила ударения, и, во-вторых, единицу значения.

Раньше думали, что если найти древнейший источник или происхождение этой автономной единицы, то откроется подлинная истина. Поэтому в греческой школе стоиков возникло наименование науки о древнейших истоках или происхождении слов — *ἐτυμολογία* (*ἐτυμος* «подлинный», откуда субстант. *ἐτυμος* в значении «возникновение слова»). Стоики думали, что слова являются следствием вещей: «*nomina sunt consequentia rerum*», как говорит Данте в эпиграфе к «*Vita nova*». Исходя из этого принципа, стоики создали свой метод этимологических исследований. Если два слова созвучны и при помощи воображения можно связать их значения, то для таких слов пытались найти общее происхождение. Платон на основании этого принципа утверждал в диалоге «*Κράτυλος*», что слово *θεός* «бог» находится в связи с глаголом *θεῖω* «бегу», поскольку боги движутся по звездам. Этимологи школы стоиков искали также связей между звуками, составляющими слова, и вещами, ими обозначаемыми. И в настоящее время к этому прибегают при народной этимологии и объяснении звукоподражательных образований. Народная этимология, как мы увидим в дальнейшем, представляет собой большой интерес и не может быть исключена из области научного исследования. Это важно и для поэзии, и «природная основа» слова в понимании стоиков продуктивна в языке во все периоды его развития. Таким образом, она является в языковом творчестве фактом первичного порядка.

Этимология стоиков при исследовании происхождения слов придерживается принципа созвучности (гомофонии). В народе этот принцип очень распространен. *Bartholomaeus* превратился на основании этого принципа в *Vratolomije* (это хорватское народное имя соответствовало бы русскому «Сломайтею». — И. Т.). Поэтому возникло народное поверие, что в день этого святого никто не смеет лезть на дерево, потому что сломает себе шею. Народной этимологией часто пользуются и великие поэты, как, например, Данте, для которого имя Беатриче выражает и сущность его возлюбленной. Она для него символ теологии, важнейшей средневековой науки, и она ему открывает дорогу на небо, когда он смотрит в ее глаза.

Учение стоиков об этимологии оставлено современной наукой. Гораздо важнее понимание этимологии другой греческой философской школой, так называемыми александрийцами. Для них этимология была наукой, анализирующей слово с морфологической стороны. Александрийцы выделяли слова, не поддающиеся анализу (*ἀρχή*). Это соответствует современным понятиям о корне, о лексическом минимуме. Они точно разграничивают слова производные и сложные. Александрийцы, кроме морфологического анализа слова, считали также задачей этимологии определение того, является ли слово диалектным или нет, пригодно ли оно для литературного языка или нет. Для них слово не *φύσις*, как это утверждали стоики, а *θέσις*, что мы перевели бы как «условность» — иными словами, как

часто пишут в современных лингвистических работах, оно является этапом некоторого понятия (А. Белич).

Современная лингвистика, вообще говоря, сохранила оба греческих термина, причем термину *стойков* придала совершенно иное значение, сохраняя александрийский почти полностью. В настоящее время и мы говорим, что слово имеет свой ареал, т. е. что оно связано своим происхождением с известным местом возникновения, с диалектом. И мы различаем слова, вошедшие в общеупотребительный язык, и провинциализмы. Однако историзм, характеризующий XIX в., внес в это направление новшество, неизвестное для древнего мира. Слово имеет свою историю, и не только фонетическую, но и семантическую. Оно подчиняется месту и времени, как и все сущее на земле. Это новшество сообщило новое содержание той науке, которую мы называем этимологией. Она уже не то, что о ней думали *стойки*, она уже не является наукой, открывающей истину бытия. Она представляет собой историческую науку, раскрывающую историю слов. Согласно этому пониманию, правильная этимология не может быть дана, если не известна история слова: где оно возникло и как развивалось. Его история начинается в тот день, когда появилась первая его запись в исторических или литературных памятниках. Все, что предшествует этой записи, является доисторической жизнью слова, которую вскрывает компаративистика путем сравнения с другими родственными и неродственными языками, даже археологическими раскопками и т. д.

Хотя современная научная этимология сохранила исторический принцип, т. е. утверждение, что слова, как и все другие проявления жизни на земле, имеют свою историю, и обязанность этимолога, который исследует происхождение слова, состоит в точном установлении истории слова — все же сравнительная грамматика произвела значительный переворот в этимологической науке. Она установила, что между словами отдельных языковых семей существуют соотношения, которые выражаются в языковых законах, а также, что древнейшие и более поздние формы слова в одном и том же языке могут различаться, и различия эти также могут быть объяснены звуковыми законами. Ими же объясняются и диалектные различия. Используя звуковые законы, можно сравнительным методом воспроизвести древнейшие возможные формы слова.

Можно сказать, что со времени появления сравнительной грамматики Ф. Боппа (1806 г.) существует современная научная этимология, принявшая за критерий правильной этимологии звуковые законы и отвергшая принцип созвучности (гомофонии), которого придерживались этимологи *стойки*.

Наряду с этим критерием правильной этимологизации современная лингвистика выдвигает также и другой критерий, относящийся к значению (семантике). Она требует точного объяснения идентичности источника слова, или *этимона*, выражаясь научно, если слово не меняло своего значения в течение его истории, а если значение изменялось, то эти изменения должны быть объяснены на основании семантических параллелей точно так же, как звуковые и морфологические изменения должны объясняться на основании фонетических и морфологических параллелей.

Кроме этих двух требований, основное правило современной этимологии заключается в том, что слово, происхождение, источник, или *этимон*, которого хотя бы найти, должно быть включено в систему самого языка и того его диалекта, в который оно входит при более узком его рассмотрении, или в систему семьи языков при более широком к нему подходе, как в смысле его фонетического и морфологического состава, так и в отношении той среды, в которой оно употребляется и в которой могло возникнуть.

По совести говоря, современная научная этимология сохранила и античный взгляд на происхождение слова. Выше мы указали на то, что современная наука, изучая природу слова, считает, что оно по своей интонационной и фонетической структуре является *φῶσις*, а в качестве продук-

та среды и времени и по семантической функции современная наука рассматривает его, так же как и александрийцы, как *θεοῖς* («условность»): с одной стороны, оно подчинено структуре языка, а с другой стороны, среде, в которой возникло, и, с третьей стороны, психологической и логической функции языка. Новое в этимологических взглядах связано лишь с общим научным развитием XIX в., с историзмом и понятием закономерности.

Если говорить о сравнительном славянском словаре, то следует пользоваться в основном компаративным научным методом, который невозможен без так называемых законов языка. Если говорить о языке одного из славянских народов, то если слово твердо зафиксировано в письменных литературных памятниках, часто встречается в литературном и разговорном языке и сохраняется в говорах, сравнительный метод будет использован более углубленно и даст возможность освободиться от формализма, столь сильно мешающего в изучении языков, не имеющих достаточного количества зафиксированных материалов.

Язык и мышление

Несмотря на то, что марровские этимологии, появившиеся до критического по их адресу выступления И. В. Сталина, с полным основанием можно считать ненаучными, все же, по моему мнению, в одном отношении они надолго оставили значительный след. Я имею в виду связь этимологии с развитием мышления, на которую указывал Марр. Один из институтов Академии наук СССР, во главе которого он стоял, назывался Институтом языка и мышления.

В том, что этимология связана с развитием мышления, легко убедиться, если проанализировать этимологию любого неологизма. Для примера можно взять неологизм *lužba* «химия», созданный Шулеком для химической терминологии. Это существительное абстрактного значения, образованное при помощи суффикса *-ьба* от глагола *lučiti*, как *služba* от *služiti*. Неологизм, таким образом, создан по законам нашего языка. Что же касается мышления, то оно соответствует взглядам известного периода в XIX в., когда считалось, что химия есть наука об излучении, выделении (*lučenje*) элементов.

Так в языке было всегда. Мы в этом убеждаемся на каждом шагу, исследуя наши диалектные, литературные и разговорные термины, например для *liječiti* «лечить». Этот глагол не входит в общий сербскохорватский язык, в наше *лечити*. Большинство говорящих на кайкавском и чакавском диалектах для этого понятия употребляют отыменную глагол на *-iti* — *vračiti(se)* от существительного, означающего действующее лицо *vrač* муж. род. В настоящее время это существительное неизвестно в тех говорах, которые пользуются глаголом *vračiti(se)*; оно вышло из языка и заменилось заимствованным словом *děktor* (например, в с. Юркове), но при этом имеется абстрактное существительное на *-ьство*: *vračstvo* ср. род, выражающее понятие «лекарство». С точки зрения мышления и *vračiti se* и *vračstvo* относятся к тому периоду, когда лечились магией слов, приближительно так, как лечил Иисус, изгоняя дьявола, и т. п. Этот метод жил довольно долго. Во времена Мольера медик из Сорбонны лечил риторикой — заговором, и это высмеивал Мольер в своей комедии.

Исследуя наше литературное и разговорное слово *lijek*, род. падеж *lijeka* муж. род (экавское *lěk*, икавское *lik*), являющееся общеславянским и праславянским *nomen actionis*, образовавшее так же, как и *znak* муж. рода, от *zna-ti* при помощи форманта *-k*, устанавливаем, что по своему образованию оно относится к тому же времени, когда возникло и *vrač*. Глагольный корень этого слова (лексемный минимум) *-le-*, при перегласовке он выступает в виде *lě-* с долготой, как и. -е. корень *de-*: *dě-* (*djeti* и т. д.). Этот корень еще и в настоящее время сохраняется в виде

звукоподражательного образования с удвоением *lelek*. Второй корень обнаруживается в готском существительном, означающем действующее лицо *lēkeis* «лекарь», *ἰατρός*. Глагол *liječiti* в полной мере совпадает с готским отымненным *lekinom*. Звукоподражательное происхождение данного лексемного минимума станет ясным, если привлечем для сравнения новогреческий глагол *λάλω* «говорю». Мысль С. Младенова была очень правильной и простой, когда он принял для *lijek*, *liječiti* индоевропейский корень *le-*, с чередованием *lo-*, которое находим в латинском *loquor*. Чередование с долготой обнаруживается в греч. *λάσκω*, *ἐλάσκω*, *λέλῃχα*, *λήλῃω*. Таким образом, и *loquor*, и греч. *λήλῃω* обнаруживают одинаковое расширение индоевропейского корня с чередованием *-k/-g*, как и наше *lijek*, *liječiti*; *G* находим в ирландском *liaig*, род. падеж *lega* «лекарь, священник». Согласно ранней стадии мышления, как это можно установить сравнительным методом на основании индоевропейского матерпала и материала наших диалектов, праславянское слово находится в древнейшем родстве с готским и с ирландским выражением того же понятия. Таким образом, первичное значение выражало лечение, которое осуществлялось прикосновением, наложением рук, колдовством, тайными заклинаниями и т. д. Да и наше слово *vrač*, если оно относится к индоевропейскому корню **uorth-*, **uordh-*, который находим в литов. *vardas*, нем. *Wort* «слово», относится к той же стадии мышления.

Определением места индоевропейского и праславянского корня (лексемного минимума) в отношении развития мышления в значительной мере обогащается сравнительно-исторический метод, и исследование приобретает реальный характер. Сравнительный метод вообще опирается на закон, по которому слово не появляется изолированно ни в границах своего языка, ни в границах той языковой семьи, в которую данный язык входит. Но сам по себе этот закон, без учета его реального места в структуре языка, законах языка, языкового различия по месту и времени и т. д., является чисто формальным. Мы показали выше, что и современные наблюдения над диалектными наименованиями того же понятия (*vračati*, *liječiti*) дают возможность установить их место в развитии мышления. С другой стороны, без фольклорных данных невозможно наблюдение и за самим развитием мышления. По этой причине научная этимология тесно связана с фольклорными (этнографическими) исследованиями. Когда в наше время речь идет об этимологическом словаре одного из славянских языков, в данном случае об этимологическом словаре сербскохорватского языка, этимологические исследования без привлечения фольклорных данных невозможны.

Выше мы также видели, какое большое значение придавали александрийцы анализу слов, т. е. изучению сложных слов от одной и той же основы. Морфологический принцип в наше время имеет огромное значение для научной этимологии. Поэтому этимолог приводит производные от *lijek*: существительное, означающее действующее лицо, на *-ar* (от латинского *-arius*) *lĭjekār*, род. падеж *-āra* (восточные области) = *likōr* (у чакавцев и на Задарском архипелаге) = *liker* (в Лумбарде) муж. род. и соответственно жен. род. *lĭjekārica*; прилагательное *lĭjekārov*, соответственно с агентивным суффиксом *-nik* (здесь сложный суффикс: прилагательного *-en* + *ik*): *liječnik* (XVI в., западные области), прилагательное *liječnikov* и на *-ski*: *lĭjekarski*, *liječnički*, новейшее прилагательное неологизм *lĭjekaran*, откуда существительное *lĭjekarna* = *lĭjekarnica* (XVIII в.); субстантивное образование на *-ik*: *lĭjekarnik* «аптекарь»; абстрактные существительные: *lĭjekarija* (на *-ija*) (XVIII в.), *lĭjekarstvo* и т. д. Ср. другие неологизмы: *liječidba* жен. род. от инфинитива *liječiti*, на *-ilište*: *liječilište* и т. д. Праславянский корень вошел также и в ботаническую терминологию: *likarica* = *ličarka* = *ličarica* = *lječura* «medicago». Следует указать еще на прилагательное на *-iv*: *liječiv* (*izlĭječiv*).

Праславянский корень относится к области культуры и может быть заимствован языками народов, входивших в сферу влияния славянских

народов. Таковы румыны и албанцы. Румыны заимствовали уже в древности, т. е. в эпоху первых славяно-румынских контактов, слово *leac* муж. род, в котором на месте обнаруживается дифтонг *ea*, как было в древнейших румынских заимствованиях. Если проследить дальнейшее румынское глагольное образование, то обнаруживается, что оно идет своим особым путем. Отыменное образование от *leac* у румын дало *lecui* (-*ui* из древнецерковнославянского -*ovati*: *ujǫ*). Интересно отметить, кроме того, что и албанцам известно такое же образование *lekovas*, в котором *lekov*-расширяется албанским суффиксом настоящего времени -*as* «ärztlich behandeln, pflege, лечу».

В этимологический словарь славянского языка должны входить также и семантические варианты, приобретенные в данном славянском языке корнем, унаследованным из праславянского периода. Праславянское образование *lěkъ* (ср. копечное -ѣ) в сущности указывает на существительное, означающее действие, которое, согласно семантическому закону, от выражения результата (синекдоха) приобрело значение средства «Arznei, лекарство (в Жумбераке, у католиков) = (турецкому заимствованию из арабского) *ilaç* (в Боснии)». Но это не единственное значение. *Lek* в Коссовско-Метохийской области значит «очень мало, чуточку, крошку». Это значение развилось из идиомы *Nema ni za lijek*, откуда и приведенное в словаре Вука Караджича уменьшительное на -*ьk*: *lijččak*, род. падеж -*čka* (*ni za lijek* «на лекарство не хватит») и с предлогом наречное *za lečka* (в Космете) «чуть не», *polečka* (в Космете) «понемногу», с утратой предлога *lečka* жен. род (в Сербии) = *lecka* жен. род (в Сербии; неясен переход *čk* > *ck*, возможно, по аналогии с уменьшительным *malacka* от *malen*); со словообразовательным формантом -*na*: *lena* (в Космете) < *lekna* «мало», *polena* (Гойбуля, Космет) «понемногу».

Весьма интересно, что и в румынском языке обнаруживается тот же семантический вариант «мало» для жен. рода *leaca*, уменьшительные *le-cișă* = *lecișiță* = *lecșoată*. И это следует особенно подчеркнуть, поскольку таким образом наглядно доказывается, что румынские славянизмы тесно связаны с южнославянскими языками.

Важное значение венгерских, румынских и албанских славянизмов для сербскохорватской научной этимологии

После выхода книги Гамильшега «*Romania germanica*» стало ясно, сколь важное значение для образования словарного состава западных языков имели ранние набеги германцев на Римскую империю и германские институты, основанные на захваченных территориях (законодательство, феодализм и т. д.). Коренная латинская лексика была в результате этого не только расчленена, но и существенным образом изменена. Интересно, например, что самые основные латинские слова вроде *bellum* «война» не сохранились ни в одном из романских языков. Повсюду на Западе вместо него употребляется принадлежащее германцам, франкам *wera* и т. д. Только на востоке у румын и албанцев частично сохранился в несколько измененном значении латинский синоним *lucta*: румынское *luptă*, албанское *luftë* «бой, сражение», однако для обозначения войны и в румынском употребляется южнославянское слово *război*.

Нередко приходится слышать о какой-то неполноценности славян, проявившейся якобы в том, что в языках западной цивилизации встречается мало славянизмов и очень много германизмов. Из этого выводят заключение, что славянская цивилизация несколько не повлияла на изменение европейской лексики.

Однако есть факты, говорящие о совершенно обратном, а именно о том, что славяне внесли изменение в словарный состав малых восточных народов от Балтики на севере и до Греции на юге почти в той же мере, как и франки на западе. Если франки изменили западноевропейскую лек-

сику, то о славянах можно сказать, что они изменили восточноевропейскую лексику почти в том же объеме. Поэтому желательно в этимологическом словаре отдельного славянского языка, в данном случае в этимологическом словаре хорватского, или сербского, языка, указывать при каждом праславянском слове, относящемся к области культуры и цивилизации, как это слово отразилось в лексике венгров, румын, албанцев и новогреков. Это особенно важно для сербскохорватского и болгарского языков. Выше мы уже показали, как это делается, исследуя праславянское производное слово *lěky*.

Иллюстрируем это еще одним примером, взятым из венгерского и румынского языков в связи с праславянским словом *žira*. Производным от него словом будет *žiran* с суффиксом *-an*, который характерен лишь для славянской антропонимии (имеется в виду не наименование возглавителя *žiran* «глава жупы»).

Важно отметить, что это слово обнаруживается и с чередованием *ъ/и*. Его находим в др.-чеш. *hran*, откуда произошло чешское и польское *ran* «dominus». То же значение обнаруживается и с чередованием *-и* в *žiran*, но не на южнославянской территории, а на дако-славянской. Отсюда рум. *jurîn* «наименование бояря, Herr, dominus» в феодальном его значении соответственно жен. род *jurîneasă* (рум.-*easă* < греко-лат. *issa*) «жена боярина, боярка, dama».

Чешско-польское чередование *ъ/и* находим также и в венг. *ispán* (так с древнейших времен). Это заимствование из паннонско-славянского = северозападнохорватского * *žranъ* > *šran* со значением, вполне аналогичным хорватскому «жупан», что подтверждается данными словаря Мажуранича.

Таким образом, ясно, что для изучения как семантических, так и фонетических явлений в славянских словах, относящихся к сфере цивилизации, необходимо привлечение венгерских и румынских славянизмов.

Согласный *žъ-*, соответствующий др.-чеш. *gъp-* > *hp-*, может объясняться скрещением с *žiran*. Гуер прав, ставя *hran* в связь с *žira* и *žiran*.

Венгерские славянизмы важны также и в ином отношении. Венгры заимствовали из паннонско-славянского *žranъ* > *ispán*, но не приняли основного слова *žira*, давшего производное *žiran*. Вместо этого слова с древнейших времен у них употребляется сложное слово *vármegye*, которое заимствовали наши жители Загорья (*vármédia*), образовав и прилагательное *vármédinski*. Венгерское слово *vármegye* является сложным из *vár* «castrum, castellum, город, крепость» и из славянизма *megye*, встречающегося у них также в виде варианта *mesgye*, что в полной мере соответствует паннонско-славянскому *mežda*. В настоящее время в венгерском языке семантически различаются *megye* в сложном слове *vármegye* и простое слово *mesgye*, обозначающее «Rain, борозда на ниве, межа».

При этом интересно отметить тот факт, что и румыны не приняли слова *žira*. Это вполне понятно, так как для этого понятия у них есть свое собственное латинское слово *judet* < *judicium*, наряду со славянизмом *okol* (точнее, *okolish*, *okolica*).

Итак, следует объяснить, почему в венгерском языке не обнаруживается наше *žira* в качестве славянизма. Ответ на этот вопрос дают употребившиеся у нас в XVI в. другие наименования жупы в смысле административной единицы. Для этих наименований, к сожалению, нет многочисленных примеров, хотя все же Мажуранич дает их несколько. Вместо слова *žira* кайкавы в XVI в. пользовались выражениями *gradska meja*, *špan gradске meje*, что в точности соответствует венгерскому сложному слову *vármegye*.

По-моему, отсутствие заимствования интересующего нас слова венграми объясняется развитием жупы в древнем хорватском государстве. Жупа, по документальным данным Рачкого, означает территорию вокруг главного жупского города (*župskog grada*). Такой город (замок, крепость)

мог возникнуть на местной хорватской почве, а, как показывают топонимические исследования, мог быть и дославянским, ср. *ninska župa*, *bribirska župa*. Древнехорватские жупаны называются прилагательными, образованными от названия жупского города-замка: *brebersticus*, *zatinseicus* и т. д. Эти латинские прилагательные имеют гибридный характер. Точнее, в них обнаруживаются два суффикса образования прилагательных: неакцентированный лат. *-icus* и праслав. *-ьsk-* (вариант в склонении *-ьst-*). Из этого вытекает, что только древняя хорватская жупа представляла собой территорию, образовавшуюся вокруг жупского города, т. е. именно то, что венгры называют *vámegye*. Те же отношения мы должны предположить и на территории Великоморавского государства на озере Балатон. Таким образом, венг. *vármege* является лишь наполовину переводом, т. е. переводом лишь в первой его части.

Факт отсутствия того или иного слова может быть интересен и в ином отношении. Только византийские авторы пользуются в области администрации славянским заимствованным словом, образованным от *župan* при помощи суффикса *-ija*, дающего абстрактное значение: *ζουπανία* «жупания». Это образование в настоящее время вошло в хорватский язык: *županija*, прилагательное *županijski*. В древних текстах не встречается такое словообразование. Другие балканские народы, как, например, цинцары, албанцы и новогреки, вообще не имеют такого заимствования, как *župa* или *župan*. И этот факт может быть объяснен. Средневековые балканские румыны, от которых происходят цинцары и албанцы, были кочевыми скотоводами и жили в своих временных хижинах, переселяясь со своими стадами из зимовий на пастбища. Они не были зависимы от областных (жупских) организаций, как оседлые жители — сербы, хорваты и болгары. Именно поэтому в их словаре не сохранилось и следа «жупы» и «жупана».

Значение диалектологии для сербскохорватской научной этимологии

Для этимолога недостаточно знать, что то или иное слово принадлежит только литературному или разговорному языку, так называемому *kojuh*. Для него и эти слова получают полное свое раскрытие лишь тогда, когда будут обследованы и диалектные слова, им соответствующие. Это мы объясним, рассматривая этимологию слова *pátač* муж. род «селезень», род. падеж *pátka*, соответствующее слову *pátka* «утка». Это слово является общим для всей территории распространения сербскохорватского языка и в литературной, и в разговорной его форме. Однако если мы рассмотрим наши диалектные, ему соответствующие слова, то обнаружится большое разнообразие.

На западе у хорватов кайкавцев никто не знает ни слова *pátač*, ни *pátka*. Все говорят для муж. рода *rāčak*, род. падеж *rācka* (такое ударение в Жумберке, у католиков) или *rāčtan* (у жителей Загорья и Пригорья, с суффиксом *-tan*, взятым из уменьшительно-ласкательных типа *vuk-man*, *Budman*, *Radman* и т. д., ср. аналогичное немецкое *Enterich* с суффиксом *-rich* из *Friedrich*, *Heinrich* и т. д.), соответственно жен. род *rāca*. Интересно отметить, что это слово имеет большой ареал. Во фриульском диалекте говорят *razza*, откуда с фриульским уменьшительным суффиксом — *razzut*, известное также в Триесте. Наряду с этим и на северо-восток от территории сербскохорватского языка у румын известно также слово *rață* или с гласным *e* вместо *a* — *reață*, как и в венгерском — *réca*. Что еще интереснее, это слово обнаруживается и в албанском — *rosë* жен. род, соответственно муж. род *rosák* (со славянским суффиксом *-ak*); *o* вместо *a* в албанском языке указывает нам на то, что *o* не может быть заимствованием из сербскохорватского — нужно учитывать, что кайкавцы и чакавцы очень удалены, — но отражает древнее чередование *o > a*, как, например, в *mokërë* «жернов» из греко-лат. *machina*.

Точно так же и чередование согласных $s > c$ говорит в пользу утверждения, что здесь речь идет о старом албанском слове *rosë*. Происхождение этого слова становится более загадочным, когда мы его обнаруживаем у пиринейских басков в виде *rerratsa*. Несомненно, в том же ряду оказываются и данные Гриммом наименования *Rätsch, Rätschente*.

Вопрос становится еще более сложным, если учесть, что это слово встречается с гласным *i* вместо *a*: *riga* (в Мркоевичах Црмничкой нахии близ Бара) «anas boschas». Такое наименование несомненно в связи с алб. *rikë* жен. род «Енте» и с *ričak*, род. падеж *rička* (на Неретве), *rička* (в Дубровнике и его окрестностях) наряду с *ridak* муж. род, род. падеж *-dka* (у Водоича) = *rička* (у Г. Мейера).

Наряду с этой лексемой есть еще и наименование *šotka* жен. род соответственно мужскому роду с суффиксом *šotân*, род. падеж *-âna* (Космет) или на *-ar* — *šotar* (Матевац, Сербия) = *šator* (Охрид) «самец утки». Ареал наименования *šotka* довольно большой. Он охватывает, согласно данным Вука Караджича, Вранье и Ниш. Уменьшит. с суфф. *-če*, род. падеж *-četa*: *šdče*, род. падеж *šdčeta*, мн. число *šdčiči* (Космет). Слово является балканским, поскольку его находим и в албанском языке: *shatë* муж. род (Гег, в Джаковице) «селезень» (окончание *-i* из латинского *-inus*), соответственно *shotë* жен. род «утка». Густав Мейер считает, что сербское слово заимствовано у албанцев, но доказательств этому нет. Этимология до сих пор никем не дана.

Следует упомянуть также, что в Космете употребляется междометие для скликанья уток *šdi*. Оно же служит для отпугивания. Таким образом, интересующее нас слово того же происхождения, что и *vilče*, род. падеж *vilčeta* — ср. род (Космет) «утенок». Это слово образовано от междометия для скликанья *vili-vili*, которое в Космете соответствует кайкавскому *liga-liga* и славянскому *bil-bil*.

Для *patak* и *patka* уже признана этимология того же типа, т. е. от междометия для скликанья *pai*, которое, правда, редко встречается в нашем языке и чаще в языках алтайской группы. Связь установлена и с новогреческим словом *πάπιπαι* «утка».

Patka является также балканским словом. Со славянским суффиксом *-ako* и *-ьko* употребляется в гегском диалекте албанского языка *patak* наряду с *patok* в значении «гусак». В том же значении известно это слово и в языке цыцаров, в то время как в гурецко-персидском и курдском языках *bat* без всякого суффикса означает «гусак». Этот корень известен и в западнороманских языках, в фриульском диалекте с увеличительным суффиксом *-one* — *patone* «дикая утка», в испанском и португальском языках *pato* муж. род и соответственно *pata* жен. род «утка». Ср. еще у калмыков *babiš* «междометие для подзывания уток». Предложенное Младеновым сопоставление с праславянским корнем *pъt-* в *pъtica*, *ptak* «птица», несомненно, ошибочно. В этом случае речь идет не об ономастиологическом принципе образования наименования по какому-либо свойству, а о звукоподражательном (ономатопоическом) принципе. Наряду с приведенными выше образцами, существуют еще и наименования с довольно широкими ареалами, образованные уже по ономастиологическому принципу.

Довольно большой ареал имеет образованное по этому принципу сербскохорватское наименование утки *plovka* жен. род, *plovče* ср. род, соответственно муж. род *plovđžija* с турецким суффиксом *-çi >* = *džija*. Согласно В. Караджичу, *plovka* говорят в Нише и окрестностях его и в округе Крагуевца, но известно это слово и жителям Дубровника (см. у Ветранича, Ранины) и на острове Рава Задарского архипелага. От того же корня образованы слова и с другими суффиксами. Наименование с суффиксом *-ača*: *plovača* жен. род «дикая утка» образовалось, несомненно, по свойству утки — плавать. Исходя из этого наименования, можно было бы предположить, что алб. *rosë* = фриульск. *rozza* = сербскохорв. *raca* = рум. *rața*, баск. *errazza*, латинскому метафорическому образова-

нию *ratia* из *ratīs* жен. род «лодка, понтон, паром, корабль», но для такой этимологии нужны более сильные доказательства, поскольку возможно, что и *gasa* таит в себе доиндоевропейское слово для подзывания.

Для всех наших наименований этой домашней птицы в словообразовательном отношении характерна возможность дифференцирования при помощи суффикса самца и самки. Этот факт дает нам возможность решения другой лингвистической проблемы, а именно — почему *ūtva* жен. род, представляющее собой праславянское наименование, унаследованное из индоевропейского *ptu, otvve*, частично исчезло из разговорного и литературного языка. Его индоевропейские связи несомненны: литов. и др.-прус. *antis*, лат. *anas, -tis*, откуда итал. *anitra*, венециан. *anara* (скрещенное с фриульск. *razza anarazza* в Тревизе. Отсюда Штрекель выводил наше *gasa*), ново-герм. *Ente*, греч. *ὑτίτις*. *Utva* означает «утка» только как диалектное наименование на небольшом ареале (Риека Дубровницкая, Груз, Герцеговина, Ошле, Тополо). *Utva* совершенно вытеснена в фольклор, в народные песни и сказки (см. В. Караджич). Здесь она имеет свои эпитеты: *utva zlatokrila, šestokrila* (первоклассный нырок). Из современного разговорного сербскохорватского и болгарского языков это слово совсем вытеснено вышеприведенными синонимами.

По моему мнению, причина исчезновения этого праславянского наименования из разговорного языка имеет морфологический характер. Здесь была праславянская *-u-* основа (долгое *ū*, как *crūky, buky*), от которой трудно было образовать слова, отражающие различие самца и самки, в то время как это различие необходимо для наименования домашней птицы. Ср. образование новых слов для наименования самца: *pījetao*, род. *падеж -tla, oroz, kokot*, соответственно праславянскому *kokoš* жен. род, которое означало и самца и самку.

Из приведенных примеров ясно видно, насколько велико значение диалектологии для научной этимологии. Без диалектологических и фольклорных данных теперь уже нельзя составлять этимологический словарь одного из славянских языков. Новейшие принципы уже далеко ушли от формалистического компаративизма Фика, Даничича, Миклошича и т. д.

Семантические и этимологические гнезда

Как мы указывали выше, александрийцы видели в морфологии принципиальное значение для этимологии. В морфологии из языковых корней и основ создаются морфологические гнезда, которые распространяются и на этимологию, и на семантику. Например: *prijati, prijatelj, prijatelj-evati, prijateljstvo*. Эти гнезда в ходе языкового развития распадаются совсем так же, как семьи в обществе.

Для автора этимологического словаря, таким образом, возникает проблема, как составлять словарь. Брать ли каждое слово, независимо от того, производное оно или нет, как обособленное и давать его затем отдельной статьей? Если принять такой метод, то этимологический словарь разрастается до громадных размеров, и автор зачастую будет вынужден в каждой статье повторять этимологические данные: корень, основу, ареал, эпоху, первые письменные свидетельства и т. д. Словом, это невозможно осуществить. Значит, следует принять принцип составления по этимологическим гнездам. Это означает, что следует при основном слове давать и его производные, но в то же время следует учитывать и распадение в течение времени языковых гнезд. Может случиться так, что одна и та же основа войдет в различные словарные статьи. Это все вопросы удобства и наглядности, но по гнездовой системе должен составляться этимологический словарь даже в том случае, когда в нем обрабатываются заимствованные слова.

Этот вопрос наиболее интересен, и поэтому следует дать некоторые пояснения. Для примера возьмем турецкое производное слово *kōnak* (XVI в., В. Караджич): «1. место ночлега, 2. квартира, 3. дворец, палаты,

4. здание для государственного учреждения, 5. приют, убежище». Уменьшительное на *-iĉ* *konāĉić*; существительное, означающее действующее лицо. на *-džija*: *konāgdžija* муж. род (В. Караджич), на *-jar*: *konāĉar* (Сербия), отыменный глагол на *-iti*: *konāčiti* (В. Караджич), на *-ovati*: *konakovati* (XVIII в.) «переночевать», откуда появился и неологизм *konakovina* «плата за ночлег», прилагательное *konakovan*, сложное прилагательное *konakodajni*, на *-ište*: *konāčište*.

Это — балканский турцизм, точнее турецкое отвлеченное существительное на *ak*: *konak* «место жительства», образованное от глагола *konmak* «поселиться», подобно образованиям *jatak*, *kaĉak*, *batak*, *sandžak*, *binck*, *dernek*.

Турецкий глагол был заимствован с турецкой основой совершенного действия на *-d*: *kondisati*, наст. время *-ām* наряду с *-šēm* (народные песни), *kondišati*, *-šām* (Босния, *š* вместо *s* из наст. времени) «устроиться, поселиться» и с изменением суффикса *kondisovati*, *-ujem* (Средняя Далмация, Павлинович). И это заимствование представляет собой балканский турцизм, который встречается и в болгарском языке — *кондисвам* наряду с *конвам*, в албанском — *koneps* (через греч. *κοινῶ*) наряду с *kondis*, в цинцарском — *condici*. Тот же турецкий глагол мы находим в сербскохорватском с турецким возвратным суффиксом *-uŝ*, который указывает на то, что действие осуществляется несколькими лицами, откуда, согласно турецкой основе совершенного действия, *konuštisati(se)*, наст. время *-iŝēm* несов. «быть в соседских, дружеских отношениях». Вариантом является и *konustisati* (Босния). Чередование *š > s* объясняется диссимиляцией *š — š > s — š* из турецк. *kon-uŝ-mak* «приобрести соседа, войти в дружбу». И этот турецкий возвратный глагол стал балканским. Он встречается и в болгарском языке — *конуштивам*.

Турецкий возвратный глагольный суффикс *-uŝ* имеет вариант *-ŝu*. Этот вариант встречается в турецком существительном *konŝu*, откуда происходит наш общезвестный турцизм *kòmšija* муж. род (В. Караджич), *konšija*, *kojšija*, наряду с *konšija* (Космет) муж. род, соответственно жен. род *konšika*, откуда ласкательное *konjo* муж. род (В. Караджич), соответственно жен. род *kóna* (В. Караджич, Сербия) с прилагательным *kónin*; *kónšo* (В. Караджич, Мартич), соответственно жен. род *konša*, *konše* (Северная Далмация, Павлинович). Отсюда еще производные слова *kònšinica*, *kòmšinica*, абстрактное существительное *komsiluk* (XVII в.), *konšilak* (Космет). Отыменный глагол на *-ati*: *konšijati* (Пива, Дробняк, Черногория) «быть с кем-либо в соседстве». И этот турцизм является также балканским: в болгарском языке *komšija*, *komšuluk*, в албанском *kompshti > koishi* (Скадар).

Уже такой обзор морфологических гнезд сам по себе ясно показывает насколько интенсивно было турецкое влияние на наш словарь. Однако и такое описание по гнездовой системе невозможно без привлечения диалектологических материалов.

Перевел с сербскохорватского
И. И. Толстой